

Татьяна Солодкова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Татьяна Солодкова

Птицеферма

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2021
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С60

Серия основана в 2011 году
Выпуск 673

Художник
В. Федоров

Солодкова Т. В.
С60 Птицеферма: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 440 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3366-7

Они знакомы пятнадцать лет. В прошлом — мальчик из богатой семьи, получающий все, что пожелает, и девочка из трущоб, привыкшая бороться за свое место под солнцем. В настоящем — друзья, напарники, любовники. Мужчина, готовый принимать любимого человека со всеми его недостатками. И женщина, которую слишком сильно была жизнь и разучила верить людям.

Сложное задание на планете-тюрьме все расставит по местам. Диверсия, стирание памяти и выживание в нечеловеческих условиях никого не оставят прежними. Победить врагов можно при помощи хитрости и оружия. Побороть собственные предрассудки поможет только любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Солодкова Т. В., 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3366-7

ПРОЛОГ

Из перетиски

Э м б е р. Привет. Спишь?

Н и к. Сплю. (Смайлик, упавший на спину и раскинувший руки в стороны, высунув язык набок.)

Э м б е р. Очень смешно.

Н и к. Смешно.

Н и к. Но ты права, не очень.

Н и к. Ты как?

Н и к. Эй, Янтарная.

Н и к. Прием.

Н и к. Предупреждаю, я сейчас запаникую и начну тебе звонить.

Н и к. Я нервный, ты в курсе.

Н и к. Янтарная, считаю до пяти, а если ты не отвечаешь, то звоню и бужу твою соседку.

Н и к. Пя-а-а-а-а-ать...

Н и к. Четыре...

Н и к. Три...

Э м б е р. Ты сдурел? Я попить отходила.

Н и к. О, жива! (Смайлики — танцующие мартышки.)

Э м б е р. Балбес. (Смайл, крутящий пальцем у виска.)

Н и к. Так чего будила?

Э м б е р. А ты правда спал?

Н и к. Вопрос к делу не относится. Я тебя слушаю.

Э м б е р. Ничего такого.

Н и к. С ума с вами, женщинами, сойдешь. (Смайлик, стреляющий себе в голову.)

Н и к. Волнуешься?

Э м б е р. Немного.

Н и к. Ага, и поэтому ты будишь меня среди ночи, чтобы поболтать. (Смайлик с табличкой «Не верю!»)

Э м б е р. Ты не спал!

Н и к. Просто у меня чуткий сон.

Э м б е р. Зануда.

Н и к. Каюсь.

Н и к. Виновен.

Н и к. Так что ты хотела?

Н и к. Серьезно.

Э м б е р. Волнуюсь.

Н и к. Без паники. Все подготовлено и проверено миллион раз.

Э м б е р. А кто вчера устроил Старикку скандал и доказывал, что это должен быть он, а не я?

Н и к. Я просто тебе позавидовал.

Э м б е р. Или испугался.

Н и к. Ну точно — что вся слава пройдет мимо меня.

Э м б е р. Спасибо.

Н и к. За что?

Н и к. Я еще вроде как ничего не сделал.

Э м б е р. Подбодрил.

Н и к. Всегда готов.

Э м б е р. Спокойной ночи.

Н и к. Погоди.

Э м б е р. Я тут. Джилл храпит. Вряд ли я сумею сегодня заснуть.

Н и к. Из-за Джилл. Ну-ну.

Н и к. Слушай.

Э м б е р. Вся внимание.

Н и к. Я уже серьезно.

Э м б е р. Да-а-а?

Н и к. Да.

Н и к. Я лично проверял все отчеты. Разговаривал с нашим человеком ТАМ.

Н и к. Все на мази, нужные люди получили обговоренные суммы и даже чуть больше.

Н и к. Ты получишь дозу препарата втрое меньше обычного.

Н и к. Вспомнишь все через несколько дней.

Н и к. Тот мамой клянется, что осечек не будет.

Э м б е р. Ник.

Н и к. Что?

Э м б е р. Я тоже читала отчеты, плюс Старик провел инструктаж. Все будет.

Н и к. Тогда ложись спать.

Э м б е р. Только если ты заберешь от меня Джилл.

Н и к. Нет уж.

Н и к. Она не в моем вкусе.

Н и к. А ты, если хочешь, приезжай.

Э м б е р. Мы это уже проходили. Отстань. Шутка устарела.

Н и к. Никогда не поздно попытать удачу.

Э м б е р. Ты в пролете.

Н и к. Я в курсе.

Н и к. Так что иди спать.

Э м б е р. Уговорил. Ухожу.

Н и к. До завтра.

Э м б е р. Завтра мы уже не пересечемся. Я вылетаю на рас-
свете.

Н и к. В смысле?

Н и к. Планы поменялись?

Н и к. Почему я не в курсе?

Э м б е р. Да, сегодня вечером внесли коррективы. Спокой-
ной ночи.

Н и к. Ты так шутишь, да?

Н и к. Янтарная?

Н и к. Глупая шутка.

Н и к. Эмбер?

Н и к. Ты еще там?

Н и к. Черт!

Н и к. Я выезжаю к тебе.

Последние семь сообщений не прочитаны.

* * *

Комната металлическая. Из металла вокруг все: пол, стены, потолок, стол и даже стул, прохладу которого чувствую сквозь тонкую ткань штанов. Наручники на моих запястьях — тоже металлические, как и скоба на поверхности стола, к которой их кто-то пристегнул. Кто? Когда? В голове туман, плотно покрывающий все то, что было до момента «здесь и сейчас».

Некоторое время рассматриваю наручники, затем опускаю взгляд на себя: на мне серая пижама. Это ведь пижама, правда? Широкие штаны и удлиненная футболка; ткань тонкая. Зябко повожу плечами, отчего гремит цепочка, соединяющая браслеты на моих руках со скобой стола. Звук отдается в висках тупой болью, хочется потереть лоб, но не дотянуться. Тут же начинает

чесаться нос. Дергаю цепочку наручников с силой, но ничего не происходит. Снова этот звон.

Приходится встать и наклониться к самой столешнице — только так есть возможность достать пальцами до лица. Мм, блаженство... С облегчением прикрываю глаза, а когда распахиваю — вокруг темно. От неожиданности падаю обратно на стул, его острые края больно впиваются в бедра. Звенит цепочка.

Освещение не возвращается, зато глухая до этого стена передо мной оживает, превращаясь в экран. Вернее, в первое мгновение думаю, что это экран, но нет, передо мной кое-что поинтереснее — зеркало.

Жадно вглядываюсь в прикованную к столу молодую женщину в серой одежде. Худошавая, прямой нос, тонкие губы, светлые волосы до плеч, спутанные.

Дергаю плечом, и женщина в зеркале повторяет мое движение. Значит, все-таки не галлюцинация, это я. Я... такая? Не помню. Опять хочется потереть лоб или почесать нос — видимо, нервное, — но на сей раз сию не шевелясь.

— Добрый день, — приветствует меня мужской голос.

Вскидываю голову, верчу ею по сторонам, но так и не нахожу взглядом динамик, поэтому решаю смотреть прямо перед собой: если зеркало — все же экран, то, очевидно, мой невидимый собеседник прячется за ним.

Понимаю, что губы пересохли.

— Да пошел ты, — разлепляю их и произношу нечто, чего сама от себя не ожидаю. Вежливое «Здравствуйте» или агрессивно-нервное «Кто вы и где я?!» были бы в данной ситуации уместнее. Но мне не хочется кричать и требовать, мне хочется... да, именно послать подальше своих мучителей.

Теряюсь, опускаю взгляд, рассматриваю руки. У меня тонкая кость, белая кожа с синими прожилками вен. На правом предплечье синяк.

Однако голос за зеркалом не трогает моя реакция. Пожалуй, меня сама она удивила и смутила больше.

— Как вас зовут? — спрашивает он все с тем же равнодушием, что и поздоровался ранее.

Снова открываю рот и... закрываю. В голове туман. Все, что было до этого момента, — белый лист.

— Как вас зовут? — повторяет голос. Он совершенно точно принадлежит мужчине. Но живому ли? Не робот ли играет со мной в игры?

Чувствую раздражение. Опять возникает желание огрызнуться, но сдерживаюсь.

— Как вас зовут? — спрашивают меня в третий раз.

Да он издевается!

— Я не знаю! — выкрикиваю. Хочу зло, а выходит беспомощно и жалко.

Сердце гулко колотится в груди. Я правда не знаю, ни кто я, ни как меня зовут, ни как здесь оказалась. Я даже эту женщину в зеркале вижу впервые. И вообще, она мне не нравится. Вон какая у нее сейчас гримаса на лице. Это... я?

Однако, кажется, кто его знает кто удовлетворен.

— Что последнее вы помните?

Ответ «Ни черта!» его устроит? Спокойно, спокойно... Выдыхаю. Напрягаюсь и действительно пытаюсь вспомнить хоть что-то. Но помню лишь эту камеру.

— Ничего, — выдыхаю, читая ужас на лице женщины в зеркале. Теперь она нравится мне еще меньше — выглядит совсем жалко.

— Сколько будет пять умножить на восемь?

— Сорок, — отвечаю на автомате.

— Столица Нового Рима?

— Ромеро.

— В каком веке человек совершил первый полет в космос?

На этот вопрос женщина в отражении не отвечает и хмурится. Кажется, начинаю к ней привыкать.

Упрямо сжимаю губы и не собираюсь больше отвечать на вопросы из программы младших классов. Я помню ответы на все, могу даже назвать год, в который Колумб открыл Америку. И мне хочется выть и биться в своих оковах от осознания того факта, что история Старой Земли мне известна лучше, чем собственная биография.

Я — ничто. Я — белый лист...

ГЛАВА 1

Два года спустя

Лето в этом году выдалось жарким, что удивительно, как говорят старожилы. Верю им на слово, потому что мне довелось застать лишь прошлое — ветреное и влажное. Зато тем летом отлично росли овощи. Этим же почва сохнет и трескается, а посеvy приходится регулярно поливать и молиться, чтобы урожай удался. Впрочем, молиться — сильное преувеличение. Вряд ли Бог заглядывает на Пандору.

— Гагара, ты идешь?! — кричит мне Сова, закончившая свою часть работы, гремит пустым ведром.

— Догоню! — откликаюсь и делаю знак, чтобы возвращалась без меня.

Та пожимает плечами и уходит. Я не нравлюсь Сове. Она говорит, что я еще не смирилась, а такие только вносят смуту в привычный уклад жизни.

Выливаю с помощью кривого металлического ковша остатки воды из своего ведра на чахлую ботву моркови — на урожай которой все еще надеюсь, — и бреду к лагерю. Куда медленнее уже скрывшейся из вида Сова — тяну время. Мне некуда спешить и не к кому торопиться.

Вечереет. Солнце уже не печет как сумасшедшее, но все равно жарко и душно.

Срываю косынку с волос и вытираю вспотевшее лицо.

Прошлым летом было легче: от холода можно скрыться под теплой кофтой. От жары не спрячешься. На мне лишь тонкий сарафан на бретелях (сама перешла старое платье), но пот струится по телу, будто меня искупали. Не знаю, как Сова ходит в такую погоду в наглухо застегнутой рубашке с воротником-стойкой. Я бы уже задохнулась. А она говорит, мой сарафан — призыв к разврату...

Пусть говорит — Сова уже немолода, ей положено учить «молодежь» жизни.

Подхожу к поселению. Помыться бы, но до реки идти далеко, а скоро нужно готовить ужин (моя смена) — не искупаешься.

Ничего, вот все уснут — и тогда в моем распоряжении будет целая ночь.

— Гагара у нас законодательница мод? — врывается в плавный ход моих мыслей чужой голос. — Мне нравится твоё новое платье. — Чиж сидит на крыльце и с важным видом стругает какую-то ветку. Не прерывается даже для того, чтобы пробежать по моей фигуре сальным взглядом. — Конфетка.

Сомнительный комплимент — на такой жаре конфеты ассоциируются у меня с чем-то гадким и липким.

— Дать поносить? — огрызаюсь.

Прохожу по самому краю ступеней, чтобы не приближаться к Чижу — с этого станется, может начать распускать руки.

— Я не ношу бабские штотки, — хохочет Чиж, не вняв угрозе в моем голосе. — Я их снимаю!

Снимает — не поспоришь. Снимает со всех, кто позволяет ему это сделать. А это доброе большинство Птицефермы. Чиж красив: темные вьющиеся волосы, синие глаза. И имеет совершенно несносный характер: с мужчинами сцепляется, тренируя кулаки, женщин воспринимает как тела для развлечений. Но многим местным девчонкам нравится — Чиж популярен.

Мне не нравится в нем решительно ничего. И, видимо, именно это подстегивает его ко мне интерес.

Говорят, лет десять назад на Птицеферме творился полный беспредел — все брали всё и всех, кого хотели. Насиловали и убивали друг друга, женщины так вообще жили недолго. А те, кто выживал, лучше бы умерли.

А потом появился Филин. Сколотил банду из тех, кто разделял его идеи, и навел порядок. Отладил режим работы на рудниках, ввел дежурства на огороде и на кухне, запретил открытое насилие.

Говорят, первое время вешал недовольных по трое в день. А потом улеглось, устаканилось.

Говорят... По их словам, я попала на Птицеферму в хорошие времена, на все готовое, и должна радоваться. Сам Филин считает меня неблагодарной, потому что я все равно не испытываю радости, как ни пытайся ее в меня вбить.

Сломанные ребра срослись, а я все равно не рада...

— Чи-и-и-иж! — Из барака выбегает Кайра, пара Чижа.

Без пары на Птицеферме нельзя — так повелел Филин. После запрета на сексуальные домогательства окрыленные свободой выбора женщины полностью перекрыли доступ к своим телам, и ущемленные мужчины чуть было не устроили бунт. Волнения Филин пресек и нашел нехитрый выход: каждой женщине — по постоянному партнеру, тем, кому женщины не хватило, можно «арендовать» тех, кто состоит в паре. Разумеется, по взаимному согласию. Потому что мы не Цветы или Камни — на Птицеферме царят законы цивилизованного общества. Не согласна — пойдешь по кругу, а затем на ветку ближайшего дерева с петлей на шее. Все просто и доходчиво: кости срстаются, а желание спорить отпадает. У меня отпало.

Кайра мчится к своему мужчине с каким-то делом, а меня замечает только в последний момент. Успеваю увернуться — затоптала бы.

— А, это ты? — Девушка презрительно кривит фиолетовые губы. Свекольный сок вместо помады, сажа вместо краски для бровей, кусок ткани под грудью, чтобы ее максимально приподнять, — вместо бюстгальтера. В этом вся Кайра — самая красивая женщина Птицефермы, по мнению большинства. — Опять к моему мужику лезешь?! — И самая ревнивая. Сколько волос она выдрала у тех, кто неосторожно засматривался на Чижа в ее присутствии...

Чижу нравится, он и сейчас довольно похихикивает у меня за спиной. Надеется на драку. Женские разборки — его любимый вид развлечения, особенно когда они случаются из-за него.

— Пройти дай, — прошу, крепче сжимая дужку ведра в своей ладони.

Именно прошу.

Мы с Кайрой дрались дважды — не из-за Чижа. Вернее, она из-за Чижа. А я — потому, что, когда на меня замахиваются, бью в ответ.

В первый раз Филин пожурил обеих и простил. Во второй — признал меня зачинщицей и вынес приговор. Мягкий по понятиям Птицефермы — розги. На спине остались шрамы, до сих пор иногда ноют на плохую погоду.

— Пройти дай, — повторяю, так как Кайра не двигается с места. Если ударит, тоже ударю не задумываясь, какие бы последствия меня ни ждали. Но если можно избежать драки — постараюсь.

Теперь я умнее. Филин прав: все поддаются дрессировке. Рано или поздно.

— А если не дам, то что? — Пухлые свекольные губы презрительно кривятся.

Вскидываю голову, встречаясь с Кайрой взглядом. На ее лице написаны вызов и решимость, а в глубине зеленых глаз — страх. Я вижу его, чувствую. Кайра задевает меня потому, что уверена: я не рискну вызвать гнев Филина вновь. Но она не забыла то, что в тот раз я не сломала ей руку лишь потому, что нас вовремя растащили. И сделаю это вновь, пусть я и легче ее килограмм на пятнадцать, — играючи, в два движения.

Ничего не говорю, только смотрю. Пристально, предупреждая.

Кайра отводит взгляд и отступает на шаг в сторону — я худая, мне хватит.

— Сиськи прикрой! — несется уже вслед. — Еще раз увижу тебя в этом платье!..

Не слушаю, хлопаю дверью, обрубая от себя поток брани Кайры, летящий мне в спину под аккомпанемент одобрительного смеха Чиж — вот уж два сапога пара.

Пальцы свело от злости так, что побелели костяшки, — с трудом сдержалась.

Еле разжимаю ладонь, чтобы поставить ведро.

* * *

В тесной комнатухе — никого. Выдыхаю с облегчением: минуты одиночества бесценны.

Бросаю взгляд на раскиданные на полу вещи — Пингвин снова побросал грязную одежду и ушел по своим делам.

Поднимать сил нет — все жара, я совсем выбилась из сил. А еще ужин... Поэтому решаю провести короткий перерыв с пользой — падаю навзничь на кровать и просто лежу, глядя в потолок. В углу серый пластик потрескался и отошел — если пойдет дождь, то зальет. Надо чинить.

Прикрываю глаза и думаю о том, что на крышу придется лезть самой.

Чиж на днях залатал участок над своей комнатухой. По доброте душевной мне никто не поможет, а Филина просить отправить кого-нибудь — бесполезно. Для Главы это слишком мелко, скажет, чтобы разбирались сами. Чиж возьмется с удовольствием, но потребует оплату натурой. Ворон — откажет.

Зяблик — пообещает, но не сделает... А Пингвин все равно не станет — сошлется на усталость. Или на головную боль, или на желудочную колику — судя по количеству известных ему болезней, в прошлой жизни мой сожитель явно был связан с медициной.

Тяжелые шаги, хлопок двери.

— О, уже готова! — довольно присвистывает вошедший Пингвин.

Порываюсь подняться, но не успеваю — на меня наваливается тяжелое тело, потное, пыльное после целого дня на руднике. Как всегда: переоделся, но не помылся.

Пытаюсь столкнуть его с себя, но тут же получаю ощутимый тычок под ребра.

— Не рыпайся, дурная, — пыхтит куда-то мне в область шеи, задирает сарафан до самого живота, пристраивается.

Закрываю глаза и... не рыпаюсь. Это правила игры, законы Птицефермы — отказывать своему мужчине нельзя. И все, что могу, — закрыть глаза и представить, что я не я, или я, но не здесь, или здесь, но не с ним.

Закусываю губу так, что чувствую привкус крови. Терплю, только сжимаю пальцами край покрывала.

Просто перетерпеть... Пара минут...

— У-ух! Хорошо! — Кровать натужно скрипит, и с меня исчезает тяжесть чужого тела. Моя единственная удача состоит в том, что Пингвин — скорострел.

Так и лежу, кусая губы, снова смотрю в потолок.

Мне нечего сказать этому человеку, не в чем обвинить — он действует строго в рамках правил Птицефермы. Пингвин — хороший работник, и в качестве награды ему «подарили» меня. Поэтому он в своем праве.

— Тетерев убили, — буднично сообщает Пингвин.

Судя по шуршанию ткани, натягивает штаны. Не поворачиваю головы.

— Вот мы пораньше и свернулись.

Никак не реагирую.

— Мы с мужиками — к реке.

Не отвечаю.

— Ну, я пошел... А, чуть не забыл! Футболку еще постирай. — Швыряет на пол и выходит.

Хлопок двери.

Удаляющиеся шаги.

Тишина.

Прикрываю глаза и сотрясаюсь от беззвучных рыданий. Кушаю кулак, надеясь, что боль отрезвит и поможет взять себя в руки.

Слезы — пустое. Рыдать по себе — бессмысленно. Это Пандора, тут нет невиновных, мы все заслужили свой маленький тесный ад и будем вариться в нем, пока не сдохнем. Ад, в котором я существую почти два года.

Тогда, два года назад, я открыла глаза в странной комнате без окон и вдруг поняла, что не помню о себе ровным счетом ничего. На меня смотрели чужие глаза с чужого лица. А это оказалось зеркало...

Кто я такая, мне сказали позже — преступница, осужденная на пожизненное заключение на Пандоре, планете-тюрьме. Отсюда нет выхода. Это конечная точка моего маршрута.

У меня больше нет прошлого, меня лишили имени. Теперь я — Гагара, часть лагеря «Птицы». Я — никто.

«За мелкие нарушения на Пандору не попадают. А убийц и прочих права выбора лишают. И поделом. Раньше надо было думать», — сказал мне конвоир, последний не из «птичьего» сообщества, с кем я говорила.

Раньше... Только такого понятия, как «раньше», ни для кого из нас нет — все, что было до Пандоры, стерто.

Встаю и бреду к тазу с водой, предусмотрительно оставленному мною с утра на подоконнике — за день вода прогрелась на солнце. Ее немного, но, чтобы перебить запах Пингвина мылом, хватает.

Вытираюсь. Некоторое время думаю, не переодеться ли, но в итоге так этого и не делаю — нужно спешить на кухню.

* * *

Бреду в темноте, практически на ощупь.

Не стала зажигать свечи, чтобы не разбудить Пингвина, а вслепую не сумела найти в комнате фонарь. Поэтому иду — медленно, осторожно раздвигая кусты и стараясь не свалиться в яму и не покалечиться. С медициной у нас неважно: специалистов нет, из медикаментов — только самое необходимое и в ограниченных количествах.

Сова разве что умеет грамотно делать перевязки и зашивать раны кривой иглой. Сама она уверена, что в прошлой жизни была врачом.

Скорее бы дойти.

Ночь, а по-прежнему душно — ни ветерка. Кажется, уже слышу шум реки.

Еле дождалась окончания ужина и всеобщего отбытия ко сну. Ощущение — что выделившийся за день пот вот-вот разъест кожу до мяса.

Другие женщины ходили искупаться в то время, когда мы с Совой готовили ужин. Видела, как за ними увязался Чиж — наверняка подглядывать. Филин смотрит на это сквозь пальцы. «Подглядывать, но не трогать — не преступление», — это цитата.

Поэтому в ночном купании есть несомненный плюс — все спят.

В итоге, пока добираюсь до реки, обдираю о сухие ветки обе руки и подворачиваю ногу — лодыжка горит огнем.

Добредаю до воды, несколько раз оборачиваюсь, чтобы убедиться, что за мной от поселения не увязался «хвост», и только после этого сбрасываю сарафан и вхожу в реку.

Вода такая холодная, что сводит зубы; притупляет боль в подвернутой ноге.

Захожу глубже, настолько, что касаюсь каменистого дна только кончиками пальцев, отталкиваюсь ногами — плыву.

Надо мной — сияющие звезды, подо мной — темная манящая глубина.

Красиво.

А что, если вот так закрыть глаза и не сопротивляться? Вдохнуть ледяную жидкость полными легкими? Перестать барахтаться и пойти ко дну?

С этими мыслями позволяю себе уйти с головой под воду, но тут же выныриваю. Трясу головой, разбрасывая брызги.

Нет.

Однажды я сдохну на этой богом забытой планете.

Но не сегодня.

Не по собственной воле.

Не так.

ГЛАВА 2

Пандору случайно открыли лет пятьдесят назад — так говорят.

Вдали от населенных человечеством планет, в неисследованной части космоса, некоторое время она использовалась то ли наркоторговцами, то ли контрабандистами. Потом их неле-

гальный бизнес разоблачили, участников арестовали, а планету «закрыли».

«Закрыли» официально, но это не помешало охотникам за удачей посещать ее нелегально. Пошли слухи, что от бывших хозяев на Пандоре осталось много ценного, и каждый, кто не ленился отправиться в дальнее путешествие, стал испытывать судьбу в надежде поживиться тем, что плохо лежит.

Сперва власти смотрели на шумиху вокруг Пандоры сквозь пальцы — все по-настоящему ценное они уже успели прибрать к рукам сами. Планету грабили. Рушили постройки, оставшиеся от первооткрывателей, вывозили все, что оказалось забытым и никому не нужным: технику, мебель и даже посуду.

Пандора превратилась в планету-призрак: обесточенные здания с пустыми глазницами выбитых окон и с покосившимися дверьми — бараки, внутри которых поселились мрак и сырость, оборванные провода на месте вырванных с корнем бытовых приборов, разбитые санузлы с вечным запахом застоялой воды из-за давно не функционирующей канализации.

Говорят, здесь даже снимали настоящий фильм ужасов. Но «живописный» антураж фильм не спас, и он провалился в прокате.

А еще лет через двадцать кто-то из авантюристов, не перестающих пытаться найти на Пандоре то, до чего не добрались предшественники, все-таки преуспел — на планете обнаружили залежи железной руды.

На этот раз планету на самом деле «закрыли» от случайных визитеров. Стали завозить оборудование, копать шахты, строить временное жилье для рабочих.

Но удаленность Пандоры сыграла свою роковую роль: транспорт, топливо, техника для рудников, заработная плата рабочим, для которых к тому же требовалось создать достойные условия жизни, — все это стало источником колоссальных затрат. И добыча руды на Пандоре была признана нерентабельной и изначально провальной затеей.

Однако на тот момент шахты были почти готовы — укреплены, но еще не снабжены электроникой. И тогда-то кому-то в голову пришло, что ситуацию еще можно спасти — если использовать бесплатный труд, не тратить средства на восстановление барачков, а планету контролировать лишь из космоса.

Так Пандора стала планетой-тюрьмой.

На краю Вселенной.

Тюрьма для самых отпетых преступников, смертную казнь которым заменили пожизненным пребыванием... здесь.

А чтобы у заключенных не возникло соблазна бежать, было принято решение стирать им память. «Облагораживающий» труд и жизнь с чистого листа — чем не рекламный слоган?

Законопроект — приняли. Авторов проекта — наградили. Планета-тюрьма начала функционировать.

Говорят, поначалу тут были надсмотрщики и даже медицинский персонал. Но после череды убийств и тех и других новыми обитателями планеты все свободное население вывезли, а заключенных оставили предоставленными самим себе.

Говорят... «Говорят» — потому что у этой информации нет достоверного источника. Эта история передается из уст в уста и с каждым разом обрастает все новыми подробностями: кто-то нашел старые записи, кому-то достался словоохотливый конвоир.

Я собирала сведения по крупицам, расспрашивала, узнавала подробности, сопоставляла разные версии. В первые полгода здесь эта информация казалась мне важной. Тогда мне еще не верилось, что я тут навсегда.

С Пандоры невозможно сбежать. Грузовые катера прилетают за добытой рудой без четкого графика, а при погрузке стреляют на поражение, если кто-то подойдет ближе чем следует. Пытаться пробраться на катер Тюремщиков — неплохой способ самоубийства, однако вовсе не путь к спасению.

Но мы все заслужили свою жизнь здесь. Серийные убийцы, насильники, террористы, педофилы — по словам моего конвоира, другие сюда не попадают и Пандора — место, где мы можем хотя бы частично искупить свои грехи. Работать и раскаиваться в содеянном до конца своих дней.

Правда, сложно испытывать чувство вины за то, чего ты не помнишь. Почему тем, кто все это придумал, не пришло это в голову?

Я часто думаю, кем была там, в прошлой жизни. До сих пор. Кем были Пингвин, Сова, Кайра... Полагаю, я могла быть убийцей или террористкой, что в принципе одно и то же. Иногда меня накрывает от ощущения неправильности, несправедливости происходящего настолько, что, мне кажется, будь у меня бомба, взорвала бы тут все и всех.

Не на пустом же месте рождаются такие мысли? Но в то же время меня не радует вид смерти и крови, и это выпадает из нарисованной воображением картины, пазл не складывается.

Тетерева хоронят на местном кладбище. Вместо надгробия — крупный камень с выбитым на нем резцом именем, ненастоящим — птичьим. Никто не знал, как звали Тетерева на самом деле и кем он был, даже он сам.

Стою позади и вновь и вновь гоняю в голове мысли о Пандоре и обо всем, что мне о ней известно. Кем бы я ни была, у меня определенно есть склонность к сбору и анализу информации. И я до сих пор пытаюсь получить ответы, хотя и понимаю, что они ничего не изменят.

Филин подходит к свежей могиле и заводит речь о том, что мы потеряли друга и будем скорбеть о нем, о том, что Птицеферма — наш дом, а мы в ней — семья, и потеря каждого ее члена невосполнима.

Морщусь и отворачиваюсь, пока оратор не заметил выражение моего лица. Он всегда внимателен к настроению зрителей, а мне не нужны проблемы.

Другие слушают внимательно или делают вид, что слушают. Чиж, например, с очень серьезным видом и взглядом, устремленным на Главу, мнет ладонью ягодицу Кайры. Та млеет и придвигается ближе. Сова все сильнее опирается на клюку — устала стоять. Пингвин чешет живот. Чайка ковыряет землю носком ботинка, время от времени вскидывая голову, чтобы Глава увидел, что у него есть внимательные слушатели.

— Тетерев был верным другом, хорошим работником...

Громкий голос Филина летит над нашими головами, а сам он прохаживается взад-вперед перед свежей могилой, руки с переплетенными пальцами — перед грудью. Филин словно лектор перед аудиторией студентов-лоботрясов — непонятно, неинтересно, но присутствовать надо, да и лектору наплевать.

Филин еще молод, но любит изображать из себя умудренного жизнью старца. Впрочем, возможно, его поведение закономерно — ему лет сорок пять, а до пятидесяти тут обычно не доживают. Старше Филина на Птицеферме только Сова, остальные, как говорит Глава, — молодежь, и нас еще учить и учить. Что он и делает. Раз за разом. Кнутом и... кнутом — розгами и виселицей.

Филина боятся и уважают, слушают и слушаются. Он — Глава, он навел порядок в лагере, в свое время он лучше всех работал на руднике и теперь имеет полное право не делать ничего, кроме как раздавать приказы и выносить приговоры... Так принято считать — велено. Те, кто не согласен, живут здесь недолго. Оспаривать решение Главы не положено, задавать вопросы — опасно.

Поэтому-то все стоят на жаре под палящим солнцем и слушают никому не нужную речь о заслугах человека, до которого никому из нас не было дела и при его жизни, в том числе и самому Филину.

Тетерев был крупным мрачным мужчиной, мало разговаривал, работал много. Мы прожили с ним бок о бок в одном лагере почти два года, а мне нечего о нем вспомнить. Не думаю, что за это время мы перекинулись с ним хотя бы парой фраз. Друзей у Тетерева не было. Женщины — тоже: он не просил, а никто не изъявлял желаний. Даже Кайра, которая «облагодетельствовала» почти все местное население мужского пола.

Если бы меня спросили, кем был Тетерев в прошлой жизни, я бы, пожалуй, ответила: киллером. Равнодушным мастером своего дела — таким я его видела. Но это лишь мои наблюдения, не имеющие под собой никакой доказательной базы. Мое мнение никому не нужно, и так лучше. «Он был хорошим работником» — не самая плохая эпитафия.

Филин все говорит, но я больше не вслушиваюсь. Поднимаю голову и смотрю в небо, которое начинают застилать темные облака — резкая смена погоды на Пандоре не редкость.

Неужели собирается дождь? Не могу припомнить, когда он был в последний раз.

Глава тоже поднимает глаза.

— Даже погода скорбит вместе с нами, — изрекает многозначительно.

Филин умеет говорить, этого у него не отнимешь.

Поднимается ветер. Ежусь и обнимаю голые плечи руками. Изрезав платье с длинными рукавами и превратив его в открытый сарафан, я оставила себе лишь одно на смену. Если дожди затянутся, мне не поздоровится.

Кайра ойкает и ловит руками взлетевшую к лицу широкую юбку. Чиж хохочет и помогает. Стоящий рядом Зяблик с удовольствием рассматривает открывшуюся картину.

— Мы на похоронах! — прикрикивает Филин. — Чиж!

— А чего я-то? — продолжает ржать тот, но под тяжелым взглядом Главы резко замолкает, будто обрубил провода, отталкивает от себя Кайру. — Держи юбку, дура!

Та и правда держит — двумя руками — и обиженно отворачивается от сожителя. Но для Филина устремляет глаза в землю.

— Кто-нибудь хочет высказаться и почтить память нашего друга? — вопрошает Глава, перестав испепелять Чижика взглядом.

В ответ — молчание.

— Тогда...

Но окончить свою мысль Филин не успевает, потому как в небе появляется огромная тень — приближается и все больше увеличивается в размере.

Тюремщики, как мы их называем, никогда не прилетают в одно и то же время. Высчитать, когда ждать их визит или хотя бы примерный цикл посещений невозможно. Поэтому руда всегда ждет на месте погрузки, а мы узнаем о прибытии только по факту.

— Летят! — ахает рядом Чайка. — Ворон, нам нужно одеяло! — толкает в бок своего мужчину.

Верно, вещи давно не привозили. В прошлый раз была поставка синтетического мяса и круп, значит, теперь можно надеяться на одежду и спальные принадлежности.

Вообще, Тюремщики не балуют нас поставками — привозят редко и минимум. И всегда отдельными партиями: в один раз — еду, которую мы не можем вырастить сами, в другой — вещи. Медикаменты, подозреваю, — когда вспомнят. Или, может, такое впечатление создается потому, что все постоянно болеют и лекарства заканчиваются в первую очередь. В отличие от Чайки не жажду нового одеяла, но от болеутоляющих я бы не отказалась, так, про запас — учусь быть бережливой.

Но даже если медикаменты придут, они тут же осядут под замком в комнате Совы и будут выдаваться в строго ограниченном количестве и лишь по мере необходимости, определяемой пожилой женщиной лично или непосредственно Главой.

— Идем! — резко командует Филин, мгновенно позабыв об усопшем, и первым устремляется к месту посадки катера Тюремщиков.

Все опрометью бросаются за ним.

Не спешу и не рвусь в первых рядах. Да, распределение «подарков» обычно происходит прямо на месте: по заслугам, по симпатиям, по самым жалостливым глазам. Но я не фаворитка Филина и просить не люблю (все-то со мной не так, как говорит Кайра). Да мне ничего и не нужно — на лето есть платье и сарафан, на осень — юбка и брюки, даже кофта есть. А до зимы далеко — не загадываю. Если доживу, что-нибудь придумаю.

На кладбище остаемся только я и Сова. У нее больная нога, и ей не угнаться за молодежью. Впрочем, лекарства ей отдадут и так.

Однако Тетерев не был мне близок, чтобы задерживаться у его могилы. Поэтому двигаюсь в ту же сторону, что и остальные. Сова тоже, но отступает, оседает на больную ногу.

— Давай помогу, — вовремя подхватываю женщину под локоть и не даю ее лицу встретиться с глиняной поверхностью планеты.

Сова переставляет клюку, восстанавливает равновесие и тут же сбрасывает мою руку. Смотрит зло, будто это я подставила ей подножку.

— Иди отсюда, — произносит сухо и отворачивается. Не хочет, чтобы у ее слабости были свидетели.

Слабость на Птицеферме не поощряется. Лично слышала как-то разговор Кайры и Чайки о том, что Филин уже давно «пустил бы старуху в расход», если бы она не умела варить самогон и зашивать раны. Мол, как найдется замена, Сову тут же «спишут». Учитывая то, что пожилых людей среди нас нет, охотно верю.

Поэтому помощь не навязываю и отступаю.

Уверена, Сова, хромая, поплетется следом только тогда, когда скроюсь из вида.

Не оборачиваюсь.

* * *

Место обычной посадки катера Тюремщиков располагается на возвышенности. Это практично: сверху хороший обзор и удобно стрелять вниз, если кто-то на свой страх и риск решит попытаться удачу и приблизиться.

Но здесь все научены горьким опытом — столпились у подножия холма и ждут. Филин — в первых рядах. За ним — Ибис и Ворон, его главные помощники. Остальные — за их широкими спинами.

Пингвин пробрался вперед, притопывает от нетерпения. Наверное, тоже хочет одеяло. Или новую рубашку. В отличие от меня у него не меньше пяти комплектов одежды на каждый сезон. Пингвин — хороший работник, и Глава его поощряет.

Останавливаюсь позади всех и не высовываюсь, люблюсь катером. Все это время катер Тюремщиков — главное, что привлекает меня во время их визитов. Сегодня это серебристый

остроносый красавец. Не знаю, откуда у меня такая тяга к летательным аппаратам, но душу бы продала за то, чтобы посидеть в кабине пилота.

Возле катера суетятся люди в черной форме и в шлемах — так всегда, мы не видим их лиц. Работает «погрузчик». Ящики с рудой поднимаются силовым полем в воздух и исчезают в грузовом отсеке катера. Один за другим, один за другим.

А на спуске с холма стоит человек с игольником, дуло направлено на нас. Он один, но много стрелков тут и не требуется: Тюремщик достаточно далеко, чтобы успеть среагировать прежде, чем кто-то из обитателей Птицефермы успеет приблизиться; если кто кинет камень — не долетит. Игольник, правда, тоже недалеко бьет, но ведь Тюремщики не стреляют, если не нарываться. Кто же станет убивать рабочую силу без надобности?

Задерживаюсь взглядом на угольно-черном стволе. Я не знаю, как меня зовут, зато мне известно, что дальнобойность этого оружия составляет три метра, за один выстрел игольник выпускает три сотни игл, а если установить режим «очередь», делает четыре выстрела в секунду, перезаряд батареи требуется после пятисот выстрелов, блок питания — снизу и справа, открывается нажатием и давлением в сторону...

В этот момент в рядах заключенных происходит шевеление, все начинают шептаться и с любопытством вытягивают шеи, и я отрываюсь от мыслей об оружии.

А посмотреть и правда есть на что — у нас новенький.

* * *

В последние годы новенькие на Птицеферме появляются все реже. Вряд ли преступников в мире стало меньше, поэтому бытует мнение, что Птицеферма и так переполнена, а новичков отправляют в три других лагеря: к Цветам, Рыбам или Камням.

После меня на Птицеферму еще не привозили никого. И я вытягиваю шею, чтобы рассмотреть вновь прибывшего с не меньшим любопытством, чем другие. О своей посадке мало что помню — слишком волновалась.

Как и меня в свое время, новичка выводят из шлюза с мешком на голове и со скованными руками. Затем наручники снимают, а мешок сдергивают. По рядам проходит вздох разочарования: далеко, но и отсюда видно, что новичок — мужчина. Была бы женщина, местные «холостяки» уже бы довольно потирали руки и спорили, кому она достанется. Мужчина же вы-

зывает гораздо меньше интереса — гомосексуальные отношения Филином строго воспрещаются.

Но я не ищу себе новый сексуальный объект, поэтому мне по-прежнему интересно.

«Новобранца» грубо толкают в спину, так что он пробегает первые ступени, чтобы не распластаться по трапу, и лишь потом начинает спускаться нормально.

Высокий, худощавый, молодой. Волосы светлые, чуть в рыжину, всклокоченные после мешка, длинные, не до плеч, но длиннее, чем у всех присутствующих здесь мужчин, — можно спокойно заправлять за уши и при большом желании даже собрать в хвост.

На незнакомце — серая футболка и брюки из той же ткани, точь-в-точь как та тюремная роба, в которой я когда-то пришла в себя в комнате для допросов. Босиком, ботинки в руках.

Тюремщик что-то ему говорит. Тот спокойно кивает, затем садится на нижнюю ступень трапа, обувается и только после этого направляется вниз с холма — к нам. Не бежит, не топчется на месте — просто идет. Вообще ведет себя совершенно спокойно.

Помню, я, как дура, оборачивалась на катер, на котором меня привезли, едва ли не после каждого шага. А этот молодец — крепкие нервы.

Погрузка же тем временем окончена. Из катера спускают два квадратных пластиковых контейнера, вываливают их содержимое прямо на землю. После чего все Тюремщики, спускавшиеся вниз, поднимаются по трапу. Последним уходит тот, что держал нас на мушке. Трап втягивается, режут двигатели.

Катер взмывает в небо так стремительно, что я отвлекаюсь от разглядывания новичка и провожаю летательный аппарат восхищенным взглядом, пока он не пропадает из виду в серых облаках.

Зато остальным не до катера и не до «новобранца», они как по команде срываются с места и мчатся на холм, чтобы поскорее рассмотреть «дары» Тюремщиков.

— Одеяло! Одеяло! — кричит Чайка Ворону, вырвавшемуся вперед.

Это у нас вместо соревнований: кто прибегает первым, имеет право взять себе то, что хочет (кроме медикаментов, разумеется).

Не трогаюсь с места. Стою, обняв себя руками, и все еще смотрю в хмурое небо. Ветер развеивает подол моего сарафана и волосы, то и дело бросая их мне в лицо. Но я не шевелюсь, не опускаю глаз.

Хочу продлить мгновение — ощущение восторга, полета, мощи, силы, скорости. Кем бы я ни была, я любила летать.

А новенький тем временем направляется прямо ко мне. Верно: к кому еще ему идти, если все убежали?

Он правда высокий, выше меня на ладонь. Правильные черты лица, глаза голубые, а ресницы и брови, несмотря на светлые волосы, темные. Кожа ровная, не обветренная, как у местных, без шрамов.

Я засматриваюсь. У меня возникает странное желание дотронуться до его лица: оно настолько не отсюда, что его хочется потрогать, чтобы убедиться, что это не мираж. Даже рука приподнимается.

И лишь в этот момент понимаю, что все так и есть: передо мной человек с другой планеты. Пару недель на Пандоре — и он перестанет отличаться от остальных.

Новичок останавливается буквально в шаге от меня. Тоже смотрит внимательно. Будто чего-то ждет. Чего? Приветственную речь позже прочтет ему Филин.

Прихожу в себя, сжимаю глупую руку в кулак и отшатываюсь — подошел слишком близко. Новенький не двигается, лишь поджимает губы. Видимо, решил, что я испугалась. Но это не страх, это привычка.

— Меня зовут Гагара, — представляюсь только потому, что молчание затягивается, а пристальный взгляд незнакомца начинает нервировать.

— Пересмешник, — отвечает и протягивает в ответ ладонь — поздороваться. У него приятный голос, не противно звонкий, как у Филина, и не грубый бас, как у Пингвина. — С некоторых пор, — добавляет, будто это и так не ясно.

Рука Пересмешника все еще в воздухе.

Качаю головой.

— Здесь так не принято, — говорю.

После чего разворачиваюсь и направляюсь к Птицеферме.

Скоро начнется дождь, а у меня дыра в потолке.

ГЛАВА 3

Кайра без стука врывается в мою комнату, когда я переодеваюсь.

— Эй, убогая... — начинает и обрывается.

Стою спиной к двери и как раз натягиваю на себя платье с длинными рукавами и глухим горлом — ветер на улице штор-

мовой, и если я продрогла в низине, то на крыше в сарафане окончательно замерзну.

Торопливо одергиваю подол и оборачиваюсь. Не сразу понимаю, что так удивило Кайру и почему теперь она смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Потом доходит: шрамы. Моя спина весьма живописно исполосована вдоль и поперек.

— Чего тебе? — спрашиваю грубо.

Девушка встряхивается, будто только сейчас вспоминает, зачем пришла.

— Филин объявил сегодняшней день выходным. Вечером будет пир. Сова велела позвать тебя на кухню для подмоги, — объявляет скороговоркой.

Ясно. Крыша подождет. Ослушаюсь Главу — получу еще парочку «узоров» на своей шкуре.

— Поняла, — отзываюсь. Значит, придется лезть на крышу в темноте. Дождь все еще не пошел, так что, может, пронесет — успею.

А Кайра все еще топчется в дверях, кусает свекольные губы.

— Убогая... — начинает привычно. — Гагара, — вдруг исправляется, и я удивленно приподнимаю брови, — это с того раза? Ну, спина. — А на лице откровенный испуг.

Кажется, до нее только сейчас доходит, что в тот раз она могла оказаться на моем месте. Просто ей повезло и Филин признал виновной меня.

— Передай Сове, что буду через несколько минут, — говорю, игнорируя вопрос и давая понять, что отвечать на него не намерена.

— Убогая, — комментирует мое поведение Кайра. — Так тебе и надо! — И хлопает дверью.

В коридоре слышатся ее быстрые удаляющиеся шаги.

* * *

Возимся на кухне до вечера. Если Филин велел организовать пиршество, то стол должен ломиться.

На кухню согнали половину женского состава Птицефермы — не протолкнуться. Но и уйти нельзя — Сова бдит. Именно ей Глава поручил руководить процессом, и теперь она восседает на высоком табурете в углу и внимательно наблюдает за деятельностью каждой.

Кайре повезло снова: ее Сова отправила из кухни вон, несмотря на то что та сама порывалась участвовать. А меня, Олу-

шу, Чайку, Рисовку и Майну оставила. И отнюдь не на добровольной основе.

Ненавижу готовить. Хотя опытным путем и выяснилось, что умею. Чего не скажешь о Кайре — дни ее дежурства, как правило, заканчиваются несварением желудка для большинства местных жителей. В моем случае — голоданием. Мне хватило одного раза, чтобы больше никогда не есть того, что приготовила Кайра.

Так что Сова поступила мудро, выдворив девушку из кухни прежде, чем она успела что-нибудь пересолить или поджечь.

На улице завывает ветер, засохшее дерево под стеной барака настойчиво бьет в стекло кривыми ветвями — начинается буря. То и дело оборачиваюсь, наблюдая за тем, как за окнами бушует стихия. С крышей нужно что-то думать, но никто не выпустит меня из кухни, пока не закончим. Да и потом — не присутствовать на «пиру» нельзя, Филин воспримет это как неуважение.

— Сова, а в честь чего застолье, Глава сказал? — спрашивает вдруг Чайка. Чайка — болтунья. Пять минут молчания — для нее уже страшная пытка. — Отмечаем новоселье Пересмешника или поминаем Тетерева?

Или празднуем то, что Филин и его подручные пополнили свои шкафы.

Сегодня и правда привезли постельные принадлежности. Пингвин гордо принес в нашу комнату новое одеяло и подушку и в порыве щедрости даже разрешил мне забрать его старые — раньше у меня было лишь шитое заплатками покрывало.

— Праздники нужны для поднятия духа. — Сова пожимает костлявыми плечами. — Так что не все ли равно? Работай, не болтай.

Чайка недовольно закатывает глаза, толкает Олушу локтем в бок.

— Слыхала? Все-то ей до лампочки. — И понизив голос: — Старая ведьма.

Олуша осторожно кивает, не понять, согласна или побаивается спорить. Олуша всегда очень осторожна и предпочитает держаться в тени. Маленькая, тоненькая, издалека ее можно спутать с ребенком. Вот и ведет себя соответствующе — понимает, что такие розги, как те, которые оставили росчерк на моей спине, ее бы убили. Первое время я даже думала, что Олуша немая.

Сова покашливает в кулак. Намекает, что слышала оскорбление? Но Сова тоже осторожна — сурова, а конфликтов стара-

ется избегать. Хотя, может, в данном случае понимает, что у Чайки язык как помело, и не воспринимает ее слова всерьез.

На самом деле зря. Я давно заметила, что Чайка не любит Сову и при каждом удобном случае пытается обсудить ее за спиной, пока та не слышит. А Чайка — пара Ворона, правой руки Главы, так что...

— А ты чего встала?! — прикрикивает на меня Сова. — Лишь бы лентяйничать!

Нет, не думаю, что пожилая женщина не осознает, какую опасность может представлять Чайка, поющая по ночам в уши Ворону. Вот и срывает злость на мне. Кричать на меня не опасно — мое мнение последнее, чье станет слушать Глава.

Не отвечаю и принимаюсь за работу.

Жаль, что до возвращения остальных с добычей удалось только найти молоток и гвозди. Была бы порасторопнее, успела бы и на крышу слазить...

* * *

Так много еды у нас бывает нечасто. Никто не знает, когда и что привезут Тюремщики, поэтому запасы провизии расходуются бережно. Только время от времени Филин вдруг объявляет, что пришло время праздника, и все радуются и благодарят Главу за послабление. А Сова достает свой самогон, который варит каким-то мистическим способом из сахарной свеклы для таких особых случаев и держит рецепт в строжайшем секрете.

Застолье, выпивка, танцы и неременный атрибут подобных посиделок — мордобой.

Не думаю, что сегодня все пойдет по другому сценарию, поэтому единственное, чего хочу, это сбежать, слазить на крышу, а потом где-нибудь пересидеть, пока Пингвин не уснет. Всегда стараюсь улизнуть, когда Пингвин пьян. Обычно тот напивается настолько, что наутро и не помнит, была ли я в комнате, когда он засыпал.

Столовая нам досталась от первых поселенцев. Тех самых, которые были или контрабандистами, или наркоторговцами (от кого-то даже слышала версию про рабовладельцев). Огромное помещение с длинными столами, прикрученными к полу и, видимо, не показавшимися никому достаточно ценными, чтобы откручивать их и пытаться перевозить, стойка вроде барной, отгораживающая общий зал от кухни, в которой также остались несколько столов и шкафы. Жаль, что канализация давно

прогнила и не функционирует, краны на месте, но водопровод не работает — носим воду из реки. Благо зимы здесь не слишком суровы и она не замерзает настолько, чтобы не хватило сил пробить лед камнем.

Говорят, после открытия на Пандоре тюрьмы в одну из первых поставок сюда завезли посуду. Люди брали подносы и выстраивались в очередь, получали свою порцию и сами несли ее к месту за столом. Но дешевые пластиковые подносы быстро пришли в негодность, а новых в следующих поставках не было. Поэтому теперь все садятся на свои места и ждут, а дежурные по кухне сами разносят пищу.

Олушу и Рисовку, наших тихонь, Сова пожалела и отпустила, сама тоже ушла, чтобы сесть за стол — как обычно, в самом конце, поближе к выходу, — а меня с Майной и Чайкой поставила на раздачу: каждой по столу. Как назло, мне достался стол Филина.

С трудом дотаскиваю тяжелую горячую кастрюлю из кухни и водружаю ее на подставку на краю стола. Наполняю тарелки, прошу передавать. В помещении стоит гул, кто-то уже неторопливо постукивает ложками.

Действую привычно, мои движения отточены месяцами практики: взять, налить, подать, взять, налить, подать... Я давно не делаю ничего лишнего, не проливаю ни капли, не обжигаюсь и ничего не роняю. В такие моменты кажусь себе роботом.

Взять, налить, подать. Следующий... Но сегодня что-то идет не так — чувствую на себе взгляд. Вскидываю глаза — новенький. Он сидит совсем близко, через два человека, неподалеку от Филина, который красочно расписывает ему все прелести Птицефермы, уверяя, что с прилетом на Пандору жизнь не кончается, да, будет сложно, но вместе мы справимся, и так далее и тому подобное. Пересмешник вроде бы слушает, но при этом смотрит только на меня. Пристально, но не так, как любит поглядывать в мою сторону Чиж — раздевая глазами. Этот глядит в лицо или, вернее, разглядывает.

Резко отбиваю его взгляд своим. Не могу же я велеть ему не пялиться — вслух, у всех на глазах? Мне не нравится это повышенное внимание.

Пересмешник отводит взгляд. Так-то лучше.

Заканчиваю, остается последняя тарелка — моя. Ищу свободное место и нахожу единственное — рядом с новеньким, напротив Филина. Как некстати.

К этому времени застолье уже в разгаре, из-за бури на улице окна закрыты, и по помещению плывет удушающий запах алкоголя.

Беру свою тарелку и прохожу к столу, переступаю через лавку, сажусь. Справа от меня — Олуша. Это хорошо, она не станет болтать, а вот то, что Филин напротив, плохо — не получится улизнуть незамеченной.

Пересмешник вежливо подвигается на скамье, освобождая мне больше места. Я благодарна ему за этот жест, но мужчина все равно слишком близко — чувствую запах шампуня от его волос. Забытый аромат цивилизации. Новенький еще не был на руднике, не пропитался пылью, не смывал пот и грязь дешевым, неприятно пахнущим мылом.

Отодвигаюсь от него как можно дальше. Не могу, не хочу думать о том далеком мире, в котором никому из нас больше нет места, — так только хуже. Иногда меня все еще морально ломает, но я искренне стараюсь — пытаюсь жить здесь и сейчас и не думать, не мечтать о большем.

При слове «мечтать» перед мысленным взором почему-то снова предстает блестящий катер Тюремщиков, красивый, свободный... Не про нашу честь, как любит говорить Чайка.

Хмурюсь и принимаюсь за еду. Пытаюсь оторваться мыслями от несбыточного и вернуться к насущному — мне нужно сбегать и забраться на крышу, иначе к утру в нашей комнате будет озеро.

Снова чувствую на себе взгляд.

— У тебя все нормально? — спрашивают над ухом.

Вздрагиваю и поднимаю глаза. Пересмешник. Смотрит открыто, даже участливо. Вот что значит первый день на Пандоре.

— У меня все хорошо, — отвечаю сухо.

В его стакане самогон, но запаха алкоголя почему-то не чувствую. Только аромат шампуня.

* * *

Ужин перерастает в веселье.

Рисовка садится поближе к центру помещения и затягивает песню — у девушки красивый голос. Чиж и Кайра пускаются в пляс, вскоре к ним присоединяются другие.

Все чаще поглядываю на дверь. Сейчас? Филин сидит вполоборота, в одной руке — стакан с самогоном, любит танцами. Не заметит ли моего отсутствия?

— Иди, я его займу.

— Что? — Мне кажется, я ослышалась. Поворачиваю голову. Пересмешник смотрит на меня прямо и по-прежнему трезвыми глазами.

— Ну, ты так часто смотришь на выход, — поясняет. На губах легкая улыбка.

Это странно и непривычно. Мне хочется спросить, зачем ему это нужно и что он за это попросит — на Птицеферме редко кто-то что-то делает для другого просто так. Но потом решаю: что бы ни двигало Пересмешником, моментом нужно пользоваться: если управлюсь быстро, скажу, что разболелся живот и провела время в туалете.

Поэтому просто киваю и встаю.

* * *

Быстро в свою комнату. Взять молоток, засыпать в карманы платья гвозди, кусок пластика для «заплатки» — под мышку, в свободную руку — фонарь.

На крышу есть люк, в потолке, прямо из коридора. Лестница из металлических скоб. Когда-то на люке был электронный замок, теперь — шпингалет.

Зажимаю фонарик в зубах, сбрасываю неудобные ботинки — в них только убиться, — и босиком взбираюсь по лестнице. Дергаю шпингалет. Не поддается. Видимо, Чиж, который недавно чинил крышу над своей комнатой, задвинул его слишком сильно.

Матерюсь минут десять и уже почти выбиваюсь из сил, когда наконец справляюсь с задачей. Что ж, вернуться быстро не получится.

Люк открывается и тут же вырывается из моих пальцев, с грохотом врезаясь в поверхность крыши — ветер страшный. Несколько минут стою на верхней ступени, прислушиваясь, но никто не бежит, чтобы проверить, откуда шум. Все заняты песнями, танцами и выпивкой — хорошо.

Выглядываю. Дождя еще нет, так, легкая морось. Но на крыше уже скользко и мокро. Она покатая, неудобная и опасная.

Выдыхаю, как перед прыжком в холодную воду, и выбираюсь наружу.

Так, главное не смотреть вниз. От выхода на крышу до нашей спальни всего ничего, должно получиться.

Передвигаюсь по водостоку на краю крыши приставными шагами, животом прижимаюсь к мокрой холодной черепице.

Платье мгновенно впитывает влагу. Ноги дрожат. Волосы я благоразумно стянула в тугий пучок на затылке, а вот подол платья развевается на ветру, бьет по икрам, путается между ног. Завязать бы его на поясе... Но для этого нужно положить молоток, а если уроню его, вся эта вылазка окажется напрасной. Поэтому не рискую.

Почти ползком добираюсь до нужного места. Вот она, дыра насквозь. Приложить кусок и прибить — задача, с которой справится и ребенок. Ровно и красиво мне не надо, главное — крепко.

Однако изначальный прогноз всегда излишне оптимистичен, и моя возня затягивается не меньше чем на полчаса. Или это субъективно и на самом деле прошло не так много времени? Ветер воет, дождь усиливается. Я уже мокрая насквозь.

В какой-то момент молоток таки вырывается из скользких от воды пальцев и летит вниз. Пытаюсь поймать, даже, кажется, успеваю коснуться его рукоятки, но тут поскальзываюсь сама.

Короткий полет и удар.

Темнота.

ГЛАВА 4

Короткий полет и удар, выбивший воздух из легких.

Вспышка боли, на мгновение парализовавшая все тело, слезы из глаз.

Потом — темнота. Но не спасительная, приносящая забытье — другая.

Нет, это не темнота, это черный фон.

...Эй, Янтарная...

Прием...

Буквы. Белые на черном. Вспыхивают красным, а затем ложатся ровными белыми строками — печатный текст.

...Предупреждаю, я сейчас запаникую и начну тебе звонить...

Я нервный, ты в курсе...

Звонить? На Птицеферме нет техники, нельзя никому звонить...

На все том же черном фоне мигает курсор и выходит системная надпись: «Собеседник печатает Вам сообщение».

Звонок, сообщение... Нет, это не здесь, не отсюда. Но как же сложно понять и вспомнить — откуда, когда.

...Янтарная, считаю до пяти, а если ты не отвечаешь, то звоню и бужу твою соседку...

«Собеседник печатает Вам сообщение», «Собеседник... печатает...»

...Пя-а-а-а-а-ать...

Четыре...

Три...

Не понимаю. Хочу понять.

Все мое сознание тянется, рвется к невидимому счетоводу. Тяжело и больно, словно продираешься через кисель, с кандалами на ногах и в железном обруче, сдавившем голову. Каждый шаг — боль. Впереди — ничто, лишь черный экран.

...Ты сдурел? Я попить отходила.

О, жива!

Балбес...

Балбес... На это слово что-то отзывается внутри. Из зоны солнечного сплетения поднимается волна непонятных мне, но очень сильных чувств. Нет, не волна — лавина. И я понимаю: «балбес» не ругательство и не оскорбление. В этом слове — нежность, улыбка и запах хвои.

Почему хвои?!

Напрягаюсь, пытаюсь пробиться через заслон из черного киселя. И тут же получаю отдачу: вспышка боли оглушительная, дезориентирующая, разрывающая голову надвое.

Черный экран идет трещинами, из которых льется ослепляющий свет, бьет по глазам. Кусочки «мозаики» расходятся, расплываются, на миг повисают в воздухе — и осыпаются с шелестом, будто кто-то швырнул на пол кипу бумаг.

...Моя ладонь в чьей-то руке. Рука мужская, пальцы длинные, тонкие, но все равно крупнее моих. Аккуратные, коротко стриженные ногти. Свежий ожог на безымянном пальце и мизинце с внутренней стороны ладони.

Нет, это не Он держит меня за руку, а я Его. Верчу пораненную кисть, рассматриваю.

— Я всегда говорила, что ты балбес, — произношу со вздохом. Не слышу свой голос, но точно знаю, что это говорю я. Слова просто появляются в голове — как мысли. — А если бы руку оторвало?

— Брось, Янтарная. Всего лишь ожог...

А это не моя, чужая реплика. В ней — тепло и беззлобная насмешка. Однако сжимаю губы в прямую линию — злюсь?

— ...Не делай такое лицо, я живее всех живых.

Не злюсь — испугалась.

— Попробовал бы умереть, — фыркаю, пряча истинные чувства. Чего-то боюсь.

— Я же говорил, что ты меня любишь, — беззаботно смеется собеседник в ответ.

Не вижу его лица, не слышу голоса. Перед глазами лишь обожженная ладонь. Все еще бережно держу ее, касаясь тыльной стороны кончиками пальцев, чтобы не причинить новой боли.

— Не льсти себе, — огрызаюсь. — Пошли, герой, тебя нужно сдать медикам.

— Насовсем?

— На опыты!

В ответ снова смех. Сначала приятный, а затем обрастающий эхом и превращающийся в гром, сотрясающий все мое тело...

Вспышка света.

Картинка разбивается вдребезги и разлетается на куски, бьет обломками по лицу.

Пытаюсь отвернуться, защитить глаза. Выставляю вперед руки, но острые осколки проходят сквозь них и больно впиваются в кожу, а мои руки хватают лишь пустоту.

Падаю. Снова и снова.

Падаю.

* * *

Прихожу в себя от холода.

Я в воде. Лежу на спине, вытянув руки по швам, а по мне течет вода. Она повсюду: снизу мое тело омывает целый ручей, сверху впивается ледяными иглами дождь. На моем лице горя-

чие слезы и холодные капли, но слезы быстро остывают и смешиваются с дождем, стекают струями по щекам, забивают рот и нос. Трудно дышать.

Судорожно хватаю ртом воздух, как будто только что вынырнула с глубины. Пытаюсь рывком подняться и сесть, но вместо этого получается лишь перекатиться на живот да успеть подставить руки, чтобы не упасть лицом в холодную жижу.

Поднимаюсь с трудом. Тело одеревенело, не слушается.

Наконец удаётся встать на четвереньки. Дождь продолжает лить, застилая глаза. Провожу рукой по лицу, убирая воду, а затем оставляю ладонь козырьком у лба. Вокруг темно, но из окон барака льется мягкий свет. Внутри строения мелькают тени, слышны громкие голоса, смех, чья-то заунывная песня, не соответствующая взрыву на миг заглушившего ее хохота.

Часов у меня нет, но, судя по тому, что праздник еще в разгаре, а солнечные батареи не разрядились и лампы светят по-прежнему ярко, прошло не так много времени. Хотя по ощущениям — целая вечность.

Отплеываюсь от неприятной на вкус воды и заставляю себя подняться на ноги. Сгибаю и разгибаю руки — тоже целы. Боли нет, во всяком случае острой. Только в голове стоит звон.

...Янтарная...

Словно шепот, шелест в голове.

В этот момент спазм сводит желудок, и я успеваю разве что шагнуть на непослушных ногах к ближайшему кусту и согнуться под ним пополам. Меня выворачивает. Потом еще и еще.

Перед глазами все плывет, и какая-то часть меня, еще способная соображать, отдает себе отчет в том, что, видимо, я получила сотрясение мозга после падения. Другая часть меня мечтает лечь, здесь, под холодным дождем, и сдохнуть.

— Эй, кто там допился? — доносится до меня чей-то голос. Из-за головной боли и шума дождя не сразу могу его идентифицировать.

Вскидываю глаза, одновременно вытирая губы тыльной стороной ладони: ко мне пьяной походкой направляется Чиж, на ходу застегивая ширинку. Вода течет по его лицу и почему-то обнаженному торсу, но это соседа ничуть не смущает. Он вообще выглядит как довольный кот, обожравшийся сливкам.

— Какая встреча! — раскрывает объятия. — Кажется... ик... я поторопился надевать штаны. — И шагает ко мне, вытягивая губы в трубочку.

Выворачиваюсь и с силой бью его в плечо, отталкивая, но меня все равно успевают обдать запахом перегара.

Чиж, не удержав равновесие, садится прямо в лужу.

Бегу к крыльцу — откуда только силы взялись? Холодная жижа хлопает под ногами, икры обдаёт ледяными брызгами.

— Убью суку! — орет Чиж мне вслед, силясь подняться и оседая вновь.

Оборачиваюсь только уже на верхней ступени крыльца. Но вид барахтающегося в грязи человека не вызывает у меня сочувствия.

— Убью и трахну! — продолжает угрожать тот.

Скрываюсь в бараке. Захлопнувшаяся дверь отрезает от меня поток ругательств и обещаний.

— Нет, сначала трахну! Потом убь...

Опускаю засов на двери — пусть охладится. Рано или поздно кто-нибудь услышит его вопли и впустит внутрь. Или тоже пойдет по нужде и откроет дверь.

* * *

Фонарик остался валяться где-то в грязи на месте моего падения, ботинки — у люка. Так что бреду на ощупь по темным коридорам босиком и, должно быть, оставляя живописные следы на полу.

Вваливаюсь в свою комнату и стекаю спиной по двери. Остаюсь на полу, уткнувшись лицом в колени, обтянутые мокрым насквозь подолом платья.

Меня запоздало начинает трясти, но не от того, что я чуть не разбилась, а от того, что увидела после.

Это ведь не галлюцинация, правда? Это воспоминания? Янтарная — это я?

Что это? Прозвище? Фамилия, имя или производное от них?

Но, как ни напрягаюсь, в голове только серый туман да привязавшийся запах хвои. На Пандоре нет хвойных деревьев. Здесь вообще почти нет деревьев, а те, что есть, кривые, разошедшиеся, с мелкими листочками.

Нет, этот запах не отсюда. Как и Янтарная.

Откидываю голову на дверь и сижу с закрытыми глазами, силясь восстановить тяжелое дыхание.

В какой-то момент мне чудится, что сквозь прикрытые веки проникает свет. Яркий, не такой, как от фонаря с солнечной батареей.

Резко распахиваю глаза, но вокруг темно. Только запах влаги, витающий в помещении, да шум дождя за распахнутым настежь окном. Показалось...

Заставляю себя подняться и дойти до стола, на котором стоит лампа, такая же, как и все здесь, — на солнечной батарее. Забудешь зарядить — пиши пропало. А зарядишь — расходишь бережно на случай, если солнечных дней долго не будет.

Щелкаю клавишей, и комната озаряется тусклым оранжевым светом. Осматриваюсь: по стене под трещиной в потолке стекает тонкая струйка воды, образуя небольшую лужицу на полу. Из разлома в пластике появляются новые капли, медленно набухают, а потом срываются вниз.

Некоторое время стою и как замороженная смотрю на танец капель. Потом отмираю, беру на столе чашку и ставлю на пол под течь, рядом бросаю тряпку. Все-таки я почти успела заделать дыру. Если бы не полезла, сейчас комната уже превратилась бы в бассейн.

Мне бы вернуться в столовую, чтобы показаться Филину на глаза и избежать проблем в дальнейшем. Но у меня абсолютно нет на это моральных сил.

Кое-как смываю с себя грязь водой, оставшейся в тазу после утреннего умывания. С волосами ничего не поделаешь, поэтому лишь расчесываю пальцами, чтобы убедиться, что в них не осталось комков грязи или веток, а затем снова закручиваю в тугую шишку на затылке. Зеркала нет, так что только надеюсь, что смыла с себя все потеки грязи, оставшиеся после купания в луже. Потом передеваюсь в свой открытый сарафан — прохладно, но не хочу в темноте доставать зимние вещи со дна шкафа.

Нужно забрать ботинки и закрыть крышку люка.

Подхватываю со стола лампу и выхожу в коридор. Тут теплее, чем в комнате с открытым окном, но душно, и, несмотря на удаленность от столовой, воздух пропитан алкогольными парами. Сегодня Филин расщедрился не на шутку — обычно подобные мероприятия прекращаются гораздо раньше, чтобы не истратить весь самогон за один вечер. Похоже, в ближайшие дни Сова будет освобождена от стирки, готовки и работы на огороде ради восполнения запасов спиртного.

...Янтарная...

Снова этот шепот в голове. Или шелест?

Меня шатает, голова кружится. Приходится привалиться плечом к прохладной стене и переводить дыхание.

Кто ты, Янтарная? Вернее, кем ты была? Потому что в том, что Янтарной называли меня, я не сомневаюсь.

Снова пытаюсь вспомнить, но только сильнее начинает болеть голова. Прижимаю ладонь тыльной стороной ко лбу.

Нет, это определенно работает не так: только напрягаешься, как шепот, наоборот, исчезает, а перед глазами все плывет, зато стоит отвлечься, как голос в моей голове снова оживает.

...Никогда не поздно попытаться удачу...

Ты в полете...

А теперь не понимаю, голоса ли это или снова переписка. Шелест-шепот в голове. Но при этом тепло где-то под грудью — некоторые считают, что именно там обретается душа, — человек, который называл меня Янтарной в видении, много для меня значил. Друг, брат, муж?

Но память снова закрыта. Только если раньше она представлялась мне девственно-чистым белым листом, то теперь — непроходимым болотом, окутанным серым туманом.

Наконец нахожу в себе силы оторваться от стены и продолжить путь. Не рухнуть бы...

Заворачиваю за угол и улавливаю какой-то странный звук — не то стон, не то писк. Прислушиваюсь: похоже на писк. Мыши? Сколько живу на Пандоре, не видела здесь животных. Из живности у нас какое-то время были только тараканы, но и те приехали с одной из поставок.

Уже собираюсь идти дальше, решив, что это все-таки мышь, как та вдруг громко сморкается — совершенно точно по-человечески. А затем вновь возвращается писк. Однако теперь я понимаю, что это не писк, а жалобный плач.

Мало ли на Птицеферме причин, чтобы плакать? Думаю, у каждого найдется с десяток. И лезть в них... Мы все здесь вынужденные пленники — не друзья. Поэтому разумнее было бы пройти мимо...

Но я уже оказалась не в том месте и не в то время и уйти не могу. Полагаю, коридор у люка уже и так затопило водой, хуже за несколько минут не станет. И я заворачиваю в прилегающий коридор, откуда доносится плач.

Этот коридор заканчивается тупиком. Раньше тут было окно, но его давно выбили, а затем залатали двумя кусками пластика, прибив их к раме крест-накрест. А подоконник остался. На этом подоконнике и сидит тот, кого я сперва приняла за мышь. Кто-то очень маленький, сжавшийся в комок, обнявший тощие колени руками и спрятавший в них лицо.

— Олуша?

Можно было бы ошибиться, но на Птицеферме таких габаритов больше нет ни у кого.

Девушка испуганно вздрагивает, вскидывает заплаканное лицо.

— Кто здесь? — Как всегда, тихо, тоненьким голосом, который и правда похож на мышиний писк.

Верно, у меня лампа в вытянутой руке — Олуше слепит глаза и она не может меня рассмотреть.

Приглушаю свет еще сильнее, поставив на минимум, и подхожу ближе.

— Это я.

— Гагара, — вздыхает девушка и отворачивается. Обнимает тощие плечи. — Уходи.

Я сказала бы так же.

Поэтому спрашиваю прямо, без лишних предисловий:

— Помощь нужна?

Лишние разговоры — это по части Чайки и Кайры. А мне бы не вмешиваться. Только, когда услышала плач, я уже вмешалась.

— Мне никто не поможет. — Горько, с надрывом, обреченно. А потом новый поток слез.

Я не психотерапевт, а соседний коридор заливает через люк дождь, и, кажется, у меня все же сотрясение. Иначе почему меня все еще поташнивает, а перед глазами плывет полупрозрачное нечто, напоминающее микроорганизмы под стеклом микроскопа?

Так что разворачиваюсь, чтобы уйти. Однако не успеваю.

— Филин отдал меня Момоту! — догоняет меня то ли крик, то ли стон.

Оборачиваюсь.

— Серьезно? С чего вдруг?

Олуша уже больше года, с тех пор как в шахте погиб ее прошлый сожитель, живет с Куликом. Кулик — спокойный беззлобный парень, они неплохо ладят. А Момот...

Момот — крупный (даже очень крупный) сорокалетний мужик, которому крохотная Олуша годится в дочери как по возрасту, так и по внешнему виду. Раньше он в паре с Тетеревом приводил в исполнение приговоры Филина. Только если Тетерев делал все равнодушно и по приказу, то Момот — с наслаждением и особым вкусом. Момот — садист и не считает нужным этого скрывать. Местные женщины его тоже избегают, а те, кто имел с ним дело, говорят, что в постели он не менее жесток, чем в повседневной жизни.

Олуша всхлипывает.

— Они устроили соревнование. Боролись на руках. Момот победил Кулика, и Филин сказал, что в награду я теперь принадлежу ему. А такие хилые, как Кулик, должны больше стараться, — выпаливает все это на одном дыхании. Как только не задыхается?

Поджимаю губы.

Ничего удивительного. Женщин на Птицеферме значительно меньше. Те, что находятся в парах, все равно обласкивают своим вниманием одиноких мужчин, и это всячески поощряется Главой, хотя и носит все же добровольный, а не обязательный характер. Тем не менее время от времени кто-нибудь из «холостяков» начинает качать права и тыкать в кого-нибудь пальцем и вопрошая: «А чем он лучше меня?» И тогда Филин устраивает соревнования. Обычно это кулачный бой. А сегодня, значит, армрестлинг.

Бред — Кулик вдвое легче и тоньше Момота. Устраивать такое противоборство даже не смешно.

— Он вывихнул ему руку, — в подтверждение моих мрачных мыслей плачет Олуша.

Выходит, девушка не только боится Момота, но и неравнодушна к Кулику.

Но слово Филина на Птицеферме — закон. Со смертью Тетерева Момот — теперь главный палач. Глава его ценит и решил поощрить. Неудивительно.

И да, Олуша права: ей никто не поможет. Решения Филина обжалованию не подлежат.

— Сочувствую. — Это все, что могу сказать.

— Я бою-усь... — И Олуша начинает рыдать навзрыд.

Мы не подруги. Вообще разве что парой фраз обмолвились за все это время. И я правда всерьез считала девушку немой в первые полгода своего пребывания здесь. Но сейчас мне ее искренне жаль. И помочь не могу. Ничем.

— Что бы... А что бы ты сделала на моем месте? — Олуша вдруг вскидывает на меня опухшие от слез и лихорадочно блестящие в полумраке глаза. — Что бы сделала?

Пингвин не Момот. Он не отличается особой жестокостью. Да и жестокостью в принципе. Если не сопротивляться. Но разве я хотела с ним жить? Разве хочу? Не я ли давлюсь глупыми слезами и бегу мыться каждый раз после того, как он меня касается?

— Я и на своем месте ничего не сделала, — отвечаю.

ГЛАВА 5

Пингвин так и не приходит ночевать, и я в кои-то веки ложусь спать в кровати. Обычно предпочитаю спать на полу — отдельно.

Но сегодня мягкая кровать, по сравнению с напольным пластиком, не способствует крепкому сну. Всю ночь ворочаюсь с боку на бок. Меня преследуют сны — странные сны.

Сначала все почти безобидно: мне снится рыжеволосая девушка, мы с ней гуляем по какому-то зеленому городу, смеемся, едим мороженое. Я даже откуда-то знаю ее имя — Джилл. И Джилл — моя подруга, смешная и открытая. Мне хорошо в ее обществе.

Сон легкий и приятный, я почти расслабляюсь, когда ему на смену приходит другой.

...Я голая. Но нахожусь не в ванной, и не в спальне, и даже не в постели с мужчиной. Я на улице, в толпе таких же голых людей.

Шум, гомон голосов. Головы прохожих, повернутые в нашу сторону. Мальчик с огромными голубыми глазами показывает на нас пальцем и тянет мать за руку...

А я не стесняюсь своей наготы. Мне весело, мне легко. И вместо того, чтобы спрятаться или прикрыться, запрыгиваю на крышу припаркованного у обочины флайера и что-то кричу, размахивая руками.

Другие обнаженные люди подбадривают меня снизу. Среди них все та же Джилл, с которой мы ели мороженое в прошлом сне. Но она другая, совсем юная, с острыми выпирающими ключицами и яркими веснушками на носу. Она тоже без одежды — лишь зеленые лоскутки в области сосков и между ног.

Опускаю взгляд на себя и понимаю, что такие же прикрывающие кусочки приклеены и к моему телу, но они настолько невесомы, что совершенно их не чувствую.

А потом кто-то стаскивает меня с крыши транспортного средства. Вижу руку в черной перчатке и пальцы, как гвозди впивающиеся в мою кожу на запястье и оставляющие красные отметины.

Бег, погоня, прерывистое дыхание. Босые ноги, изрезанные осколками битого стекла.

И следующая картинка: одна из дверей, мимо которых я бегу, открывается, и мое запястье снова обхватывают чужие пальцы. Но они другие, не те, что в перчатках, эти теплые, держат крепко, но не больно, затаскивают внутрь.

Хлопает дверь, и я оказываюсь практически прижата к парню в светлой футболке. Не вижу лица — он слишком близко, и мой взгляд почему-то устремлен ему в шею.

— Придурок, руки убрал! — шиплю и вырываюсь.

Но эта эмоция лишь напоказ. Мне не страшно, и я не злюсь — мне весело и хочется хохотать.

Отступаю и вскидываю глаза на молодого человека, гостьей которого внезапно оказалась. У него красивое тело, и я почти успеваю взглянуть в его лицо, как картинка осыпается мириадами серебряных звезд...

Кто-то истошно кричит, и я подсакиваю на кровати.

Сердце колотится как сумасшедшее. Крики, голые люди... Мне требуется не меньше минуты, чтобы понять, где обрывается сон и начинается реальность.

А потом крик повторяется, и уже не вызывает сомнений: я на Птицеферме, лагере заключенных на планете-тюрьме Пандоре, и здесь только что случилось что-то плохое.

* * *

Мне бы полежать в тишине, с закрытыми глазами и прокрутить в голове сон-воспоминание, все взвесить и обдумать. Но нельзя.

Вскакиваю с кровати, второпях натягиваю на себя сарафан, скручиваю волосы на затылке и ныряю в ботинки. Мчусь на улицу.

Голова еще немного кружится после вчерашнего падения, но не так сильно — я ожидала худшего.

Однако думаю сейчас не о себе. Сердце сжимается от дурного предчувствия — так не кричат из-за ерунды. Случилось что-то по-настоящему страшное.

Из комнат в коридор вываливают другие жители Птицефермы.

— Что случилось? Горим? — Из-за одной из дверей выглядывает Чайка и хватается за запястье как первую попавшуюся.

...Пальцы в черных перчатках на моей коже...

Другие, теплые, затаскивающие меня в помещение и спасающие от преследования...

Трясу головой, пытаюсь выбить из нее видения прошедшей ночи, — не сейчас, не время. В ответ на резкое движение голова отзывается тупой болью.

— Не знаю, — выдыхаю. — Я тоже только что услышала.

— Тьфу ты! — ругается Чайка и выпускает мою руку с таким видом, будто потрогала нечто отвратительное.

Мы с Чайкой не слишком-то ладим. Она подруга Кайры, с которой мы враждуем с самого первого дня моего пребывания здесь. Если бы не жажда информации, Чайка со мной не заговорила бы. А я, пожалуй, и не ответила бы. Но сейчас мы все напуганы.

Горим... Судя по крику, очень похоже — если кто-то горит живо.

В толпе других выбегаю на улицу. Большинство уже здесь: столпились у зарослей кустов на углу барака, как раз там, где меня вчера тошнило.

Кто-то нашел мои молоток и фонарик?

Но от этого же так не кричат...

Жители Птицефермы стоят плотно, образуя полукруги несколькими рядами. Те, кто подошел недавно, вытягивают шеи, пытаются рассмотреть, что же там, в центре первого полукруга, делятся предположениями:

— Что там?

— Не видать.

— Помер кто, что ли...

— Ну точно, лежит.

— Кто? Кто?

— Да не видно же.

Останавливаюсь позади всех и тоже ничего не вижу, только слышу версии.

Кто-то погиб?

Моментально вспоминаю о том, что Пингвин не пришел ночевать в комнату. А если это он? С ним что-то случилось?

В моем сердце тут же вспыхивает надежда на то, что так оно и есть, и я до боли прикусываю губу от отвращения к самой себе.

В отличие от меня Чайку задний ряд не устраивает, и она пытается пробиться вперед. Прочищает себе дорогу локтями, получает тычок в бок от Зяблика. Покрывает его трехэтажным матом.

А в следующий миг Зяблик уже сам отскакивает в сторону, пропуская — потому что Чайку догоняет ее сожитель, Ворон, правая рука Главы.

— Да я что... я случайно, — бубнит Зяблик.

Но Ворон лишь одаривает его тяжелым взглядом и протискивается в образовавшийся узкий проход. Чайка кидается за ним с видом императрицы, которой только что обеспечили эскорт.

Не теряя времени, пользуюсь моментом и проскальзываю за ними.

Краем глаза замечаю в толпе Пингвина — живехонек. Хмурит брови, губы поджаты — ему-то, с высоты его роста, прекрасно видно, что происходит впереди.

А через пару секунд становится видно и мне.

Филин уже здесь, в ближнем круге. Стоит, подперев кулаком подбородок, и смотрит на землю. Вид у него потрепанный: волосы спутаны, помятое от недосыпа лицо — неудивительно, учитывая то, сколько он вчера должен был выпить.

Но интересует меня не Глава, а тот, кто лежит перед ним. Возле кого на коленях стоит Кайра. Девушка запустила обе руки себе в волосы и раскачивается из стороны в сторону, тем самым перекрывая обзор, и я вижу лишь ноги в темных штанах.

Неужели я вчера ушла, заперев дверь, а он захлебнулся, так как был пьян?..

Кайра снова испускает протяжный вой. Именно вой — как раненое животное.

Филин морщится, но позволяет кричать и дальше. Сострадает или думает, что такой сиреной созвать людей будет проще и быстрее?

— Пустите наконец! — слышу бурчание за спиной и торопливо отступаю, пропуская Сову, одной рукой опирающуюся на клюку, а второй — расталкивающую зевак.

Верно, Сова хоть что-то понимает в медицинской помощи. Только не думаю, что она понадобится — над живыми так не воют. Да и Филин не дурак: не стоял бы спокойно, если бы лежащий на земле был еще жив. Глава безжалостно казнит осужденных (правда, им же), но просто так никого не обрекает на смерть.

— Не ори, дура! — рявкает Сова, и Кайра осекается на середине ноты. — Отойди, глупая.

Девушка слушается. Но не встает, а, все так же на коленях, делает два приставных шага в сторону и остается там.

Теперь обзор открыт. Несмотря на то что я уже поняла, кого увижу на земле, того, в каком виде будет Чиж, не ожидала. Он в одних штанах и с голым торсом, то есть одет так же, как вчера, когда мы столкнулись на этом самом месте. Лежит на животе, голова повернута набок. Глаза удивленно распахнуты, рот приоткрыт. А из его затылка торчит... мой молоток. Носок молотка пробил череп, и головка вошла внутрь до самого клина.

Судорожно сглатываю. В том, что молоток мой, не сомневаюсь ни на миг — вот он, след от красной краски на рукояти.

Сова, крихтя, опускается рядом с телом. Щупает пульс, морщится.

— Готов, — сообщает сухо то, что видно и так. Опирается на клюку, выпрямляется и отступает. — Можно убирать.

— Как убирать?! — взвизгивает Кайра. — Куда?! Нужно расследование! Нужно... — А потом сгибается, закрывает лицо ладонями и рыдает, громко, с подвыванием.

А ведь мне вчера показалось, что я видела луч фонаря, мелькнувший за окном. Как раз через несколько минут после того, как я оставила Чижа на улице. Но свет был слишком ярким для фонаря на солнечной батарее. А этого не может быть, других источников освещения на Птицеферме нет.

Люди продолжают переговариваться, Кайра — выть. Но все мгновенно смолкают, стоит Филину сойти с места. Тот ничего не говорит, только выходит вперед, загородив собой от остальных тело Чижа. Всего пара шагов, а все жители Птицефермы замолкают и смотрят на своего Главу, затаив дыхание.

Филин не спешит, оглядывает собравшихся, хмурится.

Мне кажется, он сам не знает, что сказать, кого обвинить, поэтому тянет время. Пытается определить преступника по бегущим глазкам. Самонадеянно, учитывая, что все здесь — преступники. Даже хромая Сова. Даже кроткая маленькая Олуша.

Наконец Глава разлепляет тонкие губы:

— Кто-нибудь хочет признаться?

Ответом ему служит молчание.

— Кто-нибудь хочет дать показания?

Я могла бы. Сказать, что это я потеряла на улице молоток, когда свалилась с крыши. Что видела яркий свет за окном.

Но кто мне поверит? Мое слово против мертвого тела, которое уже не заговорит. Как доказать, что, когда я уходила, Чижа был жив?

Ответ: никто и никак. Поэтому молчу вместе с другими. Может, пронесет?

Не пронесло.

— Да это же она! — Кайра вскакивает на ноги с ловкостью газели и едва ли не упирает обвиняющий перст мне в грудь. — Она всегда его ненавидела и завидовала мне! Я своими глазами видела, как она ушла с праздника в самом начале. А потом не вернулась. Поджидала его тут, готовилась!

За кустом, под проливным дождем? Кайра считает меня больной?

Если бы мне вздумалось убить Чижа, да еще и без попыток спрятать тело и улики, то можно было бы попросту сделать вид, что я готова с ним переспать, а когда он бы отвлекся, спокойно и без шума перерезать горло. Да мало ли способов убить человека, который живет в соседней комнате, без необходимости поджидать его в кустах? Ночью. В ливень.

Обвинение, основанное лишь на том, что меня не было на празднике, кажется мне настолько нелепым, что даже не беспокоюсь. Пока не выяснится, что кто-то видел меня с молотком, опасности нет.

Тем не менее взгляд-прицел Филина перемещается на меня. И он не предвещает ничего хорошего.

— Серьезно? — срывается с моих губ.

Больше я ничего спросить не успеваю, потому как Глава бьет наотмашь. По лицу. Так резко и с такой силой, что падаю на колени в лужу. Прямо под ноги Филину.

...Туман. Холодно и влажно. Под ногами чавкает грязевая жижа. Где-то вдаль воеет сирена, лают собаки.

Оступаю, падаю плашмя — животом прямо в разбитую тяжелыми ботинками грязь. И понимаю: подняться не смогу, сил нет.